

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей САМАРОВ

ПУЛЯ ДЛЯ
ЛИКВИДАТОРА

Сергей Васильевич Самаров
Пуля для ликвидатора
Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6514470
Самаров С. В. Пуля для ликвидатора : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68365-9

Аннотация

Чеченские боевики взяли в плен российских солдат-срочников и стали требовать за них выкуп. Напуганные родители военнослужащих не стали обращаться за помощью к властям и решили самостоятельно освободить своих сыновей. В Чечню, на переговоры с бандитами, отправилась мать одного из солдат – Валентина Соловьева – и, разумеется, тоже попала в плен. Об инциденте стало известно в Главном разведывательном управлении. На помощь солдатам и отважной женщине немедленно вылетел элитный отряд спецназа. Бойцам приказано освободить заложников и уничтожить бандформирование, командиром которого является матерый полевой командир по кличке Писатель...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	13
Глава вторая	21
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Самаров

Пуля для ликвидатора

Пролог

Чечня. 2005 год

– Шапку снимите, старлей... – потребовал мрачный полковник из антитеррористического комитета. Мрачным он был не из-за плохого настроения, а от природы.

Старший лейтенант Плешивый снял шапку. Полковник присмотрелся, близоруко щуря мутные от бессонницы глаза.

– Волосы у тебя вроде бы на месте. А почему фамилия такая странная? Голове твоей не соответствует? Почему не сменишь? Сейчас это просто...

Плешивый ответил без улыбки, твердо, даже зло, как обычно не отвечают старшему по званию:

– Фамилия мне досталась, товарищ полковник, от моих предков, кубанских казаков. И у меня нет оснований стыдиться своих предков. Они несколько веков с честью защищали родину.

Видно было, что старший лейтенант не в первый раз сталкивается с подобным отношением к своей фамилии, и это его злило.

– Ну-ну... Гордый... Не серчай... Это я так, балаболю по-стариковски... Хорошо, когда есть основания фамилией гордиться, – неожиданно мягко сказал полковник. – Давай лучше к делу приступим. Без балабольшества...

– Я готов, товарищ полковник.

Старший лейтенант был среднего роста, с крепкой фигурой и твердым взглядом и уверенными движениями. И казался человеком надежным, спокойным, но решительным и даже, может быть, упертым. Полковник, думая о себе, что он-то может в людях разбираться, считал, что на старшего лейтенанта Плешивого положиться можно.

– Сил у нас кроме твоего взвода нет. Только комендантский взвод, но там солдаты для серьезного боя не только не обучены, но и не экипированы. Один бронезилет на всех. Хотя на подходе особый отдельный отряд спецназа внутренних войск. Твое дело, старлей, завязать бой и заставить бандитов увязнуть в нем. Ты должен, как клещ, прицепиться и не отпускать. Хотя я понимаю, что, имея в наличии двадцать семь человек, тебе трудно атаковать банду в сто двадцать с лишним стволов. Я и не прошу тебя рвать на груди тельняшку и лезть в лобовую атаку. Я знаю, что спецназ ГРУ не для этого приспособлен. Но ты должен заставить бандитов остановиться на месте и задержать их до прихода внутривойсковиков. Сможешь?

– Мы постараемся, товарищ полковник.

– Иначе, если они оторвутся, смогут беспрепятственно пройти к границе, которая на данном участке не закрыта. Причем действовать тебе придется исключительно своими силами. Фронтовая авиация в таком тесном пространстве не разберет, куда удар наносить, и может твой взвод тоже накрыть. А вертолеты по погодным условиям оказать поддержку не в состоянии.

– Когда внутривойсковики подойдут?

– Часа через четыре, не раньше.

Громкий звонок полевого телефона заставил полковника вздрогнуть. Разговор с абонентом оказался коротким.

– Да. Я. Заворачивай их сюда. Полным составом. Ну и что? То, что имеется в наличии, пусть и отстреляют. Как отстреляют, сразу отпущу. Заворачивай без разговоров. Скажи, приказ сверху имеем – использовать все силы, какие могут оказаться рядом. Гони их...

Положив трубку, полковник сообщил старшему лейтенанту:

– Вот и поддержка тебе намечается. Минометный дивизион с дороги разворачиваем в свою сторону. Правда, у них только четверть стандартного боезапаса осталась. Но пусть хоть это отстреляют. Если будут стрелять с толком, то помощь может оказаться существенной.

– Какие минометы, товарищ полковник? – спросил Плешивый.

– Полковые. «Сто двадцатые».

– «Сани»?¹

– Они самые...

– Дивизион – это, кажется, двенадцать минометов?

– Двенадцать.

– Как они их на место провезут? Машинам здесь делать нечего. Сразу пожгут.

– Им близко подъезжать и не надо. «Сани» на семь с лишним километров по дальности лупят. А на позицию на тележках выкатят. Площадка подходящая есть. Только тащить их придется вверх. Но не далеко, метров на сто пятьдесят. И подъем не крутой. Сам впрягусь, помогу, – пообещал полковник. – Комендантский взвод использую. И еще... Нет, не буду... Хотел у тебя попросить хотя бы пять надежных солдат минометчикам в прикрытие, но тебе эти пять стволов самому будут очень нужны. Мы обойдемся. Бандиты, будем надеяться, ниже нас пройдут. Им и незачем поверху идти. Теперь – средства связи... Из связи – только простые «переговорки». Серьезные разговоры не вести. Бандиты нас могут прослушать. Буду сообщать, отвечать односложно. Даже с попыткой ввести в заблуждение. Только так, чтобы меня в заблуждение не ввести. Все понял?

– Так точно, товарищ полковник.

– Вопросы есть?

– Карты сверить. Карты у всех разные.

Старший лейтенант раскрыл свой планшет, полковник – свой. Сверка карт прошла быстро. Они оказались идентичными. И тот, и другой пользовались картами, захваченными у бандитов. Они были точнее армейских.

– Вот маршрут... – полковник провел кончиком карандаша по пленке, покрывающей карту. – Вот здесь, я предполагаю, лучшее для засады место. Но ты сам смотри. Когда бой начнешь, можешь уже в открытую сообщать координаты. Бандиты и без того будут знать, где ты, а минометчикам координаты важны. И будешь корректировать стрельбу. Им место боя лес закроет. Теперь главное...

– Слушаю, товарищ полковник.

– Бандитами командует бывший член правительства Ичкерии – Писатель. Фигура влиятельная и одиозная. Много крови на его совести. Задача конкретная – можно всех остальных упустить, а его захватить или уничтожить. Остальные для нас не так важны, хотя лучше было бы всех их на месте положить, чтобы больше не гадили. Они уйдут и где-то осядут. А Писатель, если уйдет, может еще много неприятностей нам доставить. Он – идеолог. А идеология многое определяет. Он тех же, кто с ним уйдет, может снова сюда послать, хотя сам уже, скорее всего, не вернется.

– Как я смогу его определить?

– А этого я знать не могу. Ориентируйся на месте.

– Понял, товарищ полковник. Буду ориентироваться.

¹ «Сани» – 120-миллиметровые российские минометы 2S12 Sani.

– Как тебя звать-величать, старлей? Фамилию-то я запомнил. А имя-отчество-то как?

– Виктор Сергеевич.

– Иди, Виктор Сергеевич. Я на тебя надеюсь...

* * *

Солдаты взвода старшего лейтенанта Плешивого были хорошо обучены и отлично подготовлены физически. Шли в полной экипировке, с запасом боекомплекта, по трудной горной местности даже без тропы, чтобы не оставить, случаем, какой-то нечаянный след на самой тропе, там, где за ними должны были пройти бандиты. Отпечаток каблука уже может насторожить бандитов. А оставить след не сложно. Споткнулся кто-то на камне, сделал шаг в сторону, чтобы удержат равновесие, и отпечаток готов. Свою обычную наглость бандиты уже давно потеряли. И теперь они пугаются летящего с дерева листка и меняют направление. Тем более что лежащая внизу тропа была заснежена и имела только старые отпечатки, еще прикрытые несколько раз выпавшим снегом. Кто-то там ходил, но давно.

Плешивый сам контролировал темп прохождения маршрута. Он понимал, что идти по зимнему лесу без тропы сложно, тем не менее, Виктор Сергеевич заходил то вперед, задавая темп ведущим, то отставал и подгонял замыкающую группу, не позволяя взводу растянуться. А потом снова убегал вперед. Но только к началу общей колонны. Впереди колонны, оторвавшись на полсотни шагов, шли два разведчика-пулеметчика. Пулемет способен прикрыть от стрельбы нескольких автоматов. По данным разведки, впереди бандитов не было. Но на войне лучше лишний раз перестраховаться, чем недооценить опасность. И потому пулеметчики страховали основную колонну.

Бандиты, наверное, шли параллельным курсом, но они двигались по тропинке, пусть и покрытой талым весенним снегом, который даже в январе уже стал по-настоящему весенним, но все же имели возможность передвигаться быстрее. Они торопились. Стимул у них был великий – сохранение собственной жизни. Этот стимул заставлял идти, несмотря на усталость и сложность многодневного маршрута, несмотря на усталость нервную. По сути дела – этот маршрут был бегством, бегством от ответственности за проступки недавних дней, когда эти же бандиты чувствовали себя хозяевами жизни и были уверены в своем праве отнимать жизни у других и распоряжаться этими жизнями по своему усмотрению, даже по своему капризу. Это было бегством. В скорости бандиты видели свое спасение. И потому взводу спецназа, чтобы успеть устроить свою позицию, тоже следовало торопиться. Плешивый даже не давал солдатам обычного отдыха через определенные промежутки времени. Успеют отдохнуть, когда будут дожидаться врага, рассматривая тропу через прицел своего автомата. Время в такой ситуации решало многое. На войне время всегда решает многое.

Виктор Сергеевич сам, не объявляя взводу привала, трижды останавливался и присматривался к местности. Ему казалось, что возможность для устройства засады есть. Но внимательный взгляд находил кое-какие моменты, делающие позицию невыгодной. Учитывая малое количество бойцов в своем распоряжении, старший лейтенант обязан был предусмотреть вероятность маневра бандитов и их атаки с нескольких сторон одновременно. И потому не давал команды на привал. Но наконец-то дошли и до места, которое указывал на карте полковник. Место и в самом деле словно специально было создано для такого дела. Несколько скал, на которые можно взобраться только с двух сторон. Но бандиты шли лишь с одной, значит, и забраться на скалы они могли только оттуда же, откуда взбирался на них взвод спецназа. Но взвод спецназа способен защитить свою пози-

цию, потому что подступы к скалам открыты. Один пулемет в состоянии полностью пресечь любую попытку атаковать. Это было как раз то, что взводу требовалось.

– Занимаем позицию. Устраиваемся! – прозвучала команда...

* * *

Сам старший лейтенант Плешивый хорошо понимал свою наивность, когда думал, что солдатам предстоит отдых после того, как закончится устройство засады. Трудно назвать отдыхом напряженное ожидание появления противника. Но оно началось, и минутная стрелка на часах, казалось, застыла. Однако к встрече бандитов взвод подготавливался основательно. Хорошо бы, конечно, и взрывное устройство на самой тропе заложить. Однако невозможно это сделать на снегу, не оставив следов, имея дефицит времени. И потому выставили только мину МОН-200², и то только лишь на склоне. Но склон от тропы находился недалеко, и осколки должны были накрыть передовую группу бандитов. При этом мину, у которой ширина зоны сплошного поражения на дистанции в двести метров равняется четырнадцати метрам, развернули так, чтобы осколки летели не поперек, а вдоль тропы. Это должно было нанести больший урон бандитам. И хорошо, если они идут всей бандой, не выслав вперед разведку. Тогда потерь у них будет, конечно, больше. Если идет разведка, есть несколько вариантов действий. Первый – уничтожить взрывом разведку, а потом ждать, когда в бой вступят основные силы. Отступить бандиты, скорее всего, не будут. Они пойдут на прорыв, потому что отступить им некуда. Сзади, как они справедливо ожидают, за ними движется погоня. Не на пятки наступает, но неустанно идет. Тот самый особый отдельный отряд спецназа внутренних войск, прибытия которого полковник ждет через четыре часа. А для поворота в любое другое ущелье, по которому можно пройти, требуется чуть ли не целый день обратного пути. Но такого времени им никто не предоставит. Догонят сзади, подожмут спереди и уничтожат. Бандиты это прекрасно понимают. Потеря разведки еще не означает гибель всей банды. А прорыв – это возможность выжить хоть кому-то. Второй вариант использования засады – если разведка малочисленная, то ее можно пропустить и активировать взрыватель тогда, когда в сектор поражения попадет основная группа. В этом случае разведка получит возможность атаковать спецназ с противоположной стороны, где подходы к скалам более скрыты. Но если разведчиков мало, эта угроза не особенно серьезна. Можно отбиться. Тем более, когда ожидаешь такую атаку. Третий вариант. Более сильную разведку тоже можно пропустить, но выслать параллельно ей одно отделение взвода, чтобы не дать бандитам возможности занять каменные россыпи на подступах к скалам и расстрелять их на открытом пространстве. Но для этого отделению спецназа необходимо передвигаться предельно скрытно. Бандиты в любой момент могут поднять голову и заметить идущих поверху бойцов. Но это опять же только ускорит начало боя и не даст бандитам какого-то преимущества, потому что они все еще будут находиться на открытой позиции.

Старший лейтенант включил переговорное устройство.

– Я – Первый, – отозвался полковник. – Слушаю.

– Я – Лысый, – на ходу придумал старший лейтенант Плешивый свой позывной. Такой позывной трудно с кем-то спутать, и прямой намек полковнику должен быть понятен. – Мы отдыхаем. Как у вас дела? Наши помощники не прибыли?

– До нас добрались. Сейчас объявлю им «подъем».

То, что «подъем» в данном контексте не пробуждение от сна означает, а подъем по склону на позицию, старший лейтенант догадался без труда.

---

² МОН-200 – мощная противопехотная мина направленного действия.

- *Перелетных птиц, как понимаю, пока не видели?*
- *Рано пока. Еще летят...*
- *Мы ждем. Конец связи....*

Передавать координаты было рано. Передать их следовало только после того, как бандиты ввяжутся в бой, когда уже ничего изменить будет нельзя. Виктор Сергеевич выключил «переговорку» и поднял бинокль...

* * *

Тропа выходила в зону обстрела из-за большой скалы в восьмистах метрах от места засады. И, при напряженном всматривании в эту скалу, в ожидании, когда же наконец появятся из-за нее человеческие фигуры, начинало казаться, будто кто-то, выглядывая, высунул голову, потом показалось, что мелькнули стекла бинокля. Но это все обман зрения, вызванный напряженным ожиданием. Бандиты все еще шли, хотя и торопились, но не могли они даже по тропе идти так, как шел взвод спецназа ГРУ в стороне от этой тропы. Для поддержания такого темпа нужна долговременная тренировка.

Наконец бандиты появились. Сначала шла, как и ожидал старший лейтенант, разведка. Два человека с ручными пулеметами, два с автоматами. У одного из автоматчиков на плече висела короткая труба одноразового гранатомета «Муха».

Плешивый сразу просчитал, как себя следует вести. Необходимо пропустить четырех разведчиков мимо и взорвать МОН-200 только тогда, когда в сектор поражения попадет сама банда. Не вся, конечно, но хотя бы значительная ее часть. А разведчиков отдать для обработки отделению младшего сержанта Лозовского. В этом отделении есть снайпер, и он сразу обезопасит других, уничтожив бандита с гранатометом.

– Лозовской! – через плечо позвал старший лейтенант громким шепотом.

– Я, товарищ старший лейтенант! – таким же громким шепотом отозвался младший сержант контрактной службы и уже через четыре секунды оказался рядом с командиром. Упал за камень и лежал, не шелохнувшись, словно уже пришла пора прятаться от пуль.

– Слушай, Мишаня, задачу. Бандиты выслали впереди основной группы разведку. Четырех человек. Два автомата, два пулемета и гранатомет. Дожидаешься, когда появится основная группа, определяешь дистанцию и в их же темпе удаляешься со своим отделением выше по ущелью. Сразу предупреди снайпера – у бандитов есть человек с гранатометом. Его уничтожить сразу. И никого к гранатомету не подпускать. Твоя задача – не дать возможность разведке противника атаковать нас во фланг. Уничтожить бандитов до того, как они смогут занять позицию среди камней. На ровном месте уничтожить. Там, где спрятаться негде. Но – главное! – работать начинаешь только после того, как мы взорвем мину. До этого себя не показываешь. Передвигаешься скрытно, чтобы разведка тебя не заметила. Все понял?

– Так точно.

– Давай, Мишаня, гони к отделению...

Младший сержант уже пятый год находился на контрактной службе. За годы службы побывал в нескольких командировках на Северном Кавказе. Опытный и обстрелянный, хладнокровный в бою и тонко чувствующий обстановку боец. Скоро заканчивался срок контракта. После этого Лозовской собирался поступать в университет, но Плешивый хотел уговорить младшего сержанта поступить на заочный и подписать новый контракт. С таким бойцом расставаться не хотелось. Он и сам как солдат хорош и как командир отделения отличный. И в самые опасные места Лозовского посылать можно было смело,

зная, что он не только бесстрашен, но и осторожен. Сам не подставится и солдат своего отделения не подставит.

По сторонам бандиты особо не смотрели. Считали, видимо, что в этих местах им опасаться некого, и рассчитывали уже вскоре, может быть, к завтрашнему утру достичь российско-грузинской границы и там устроиться на долговременный отдых. После долгого и сложного маршрута отдых всегда кажется желанным и сладостным, хотя в действительности это обычный отдых, и не больше. Но когда к нему стремишься, то витаешь в облаках. И бандиты, кажется, именно в облаках витали. И мыслями, и телом, потому что все четверо разведчиков на ходу курили и пускали дым в воздух. Сам никогда не куривший, старший лейтенант Плешивый, как ему показалось, даже запах табачного дыма ощутил, хотя это была, конечно же, иллюзия. С такого расстояния почувствовать запах было невозможно. Но сам Виктор Сергеевич был далек от того, чтобы осуждать врага за пренебрежение осторожностью.

Разведка передвигалась хоть и не вразвалочку, но не слишком быстро. И прошла мимо установленной в стороне от тропы мины, накрытой маскировочной сеткой поверх корпуса и засохшего куста, за которым мина и устанавливалась. Угрозу разведчики не заметили. Не обратили они внимания и на конфигурацию окружающих скал. А могли бы обратить и могли бы хотя бы подумать, что это место словно специально создано для засады. Но когда мысли витают вокруг места отдыха, тогда любая опасность кажется нереальной, тогда даже не верится, что наставленный в живот автоматный ствол может плюнуть очередь. Однако на войне за беспечность всегда приходится платить. Должны были заплатить и эти разведчики.

Из-за скалы показалась вся банда. Бандиты передвигались не колонной, как ходят люди военные, а толпой, рассыпавшись по всей ширине дна ущелья, то есть на дистанции сорока метров от одного фланга до другого. Но спецназовцам это было на руку. Когда бандиты идут плотно, они закрывают своими телами задних, и при плотном обстреле кому-то может достаться два десятка пуль, а кому-то и ни одной. Только в центре шла плотная, кого-то окружающая группа. Должно быть, именно там и находился Писатель. И не дать этой плотной группе прорваться, как понял старший лейтенант Плешивый – одна из его важнейших задач в этой засаде.

– Внимание! Всем! Зарядить «подствольники». «Лягушками»³. Три выстрела только «лягушками». Потом действовать по обстановке.

Этот приказ пока не касался старшего сержанта Тропынина. Шурик Тропынин, штатный сапер взвода, лежал рядом со старшим лейтенантом и уже положил руку на пульт, готовый в любой момент нажать кнопку и замкнуть электроцепь, чтобы подать ток на электровзрыватель мины. Коробка с аккумуляторами стояла рядом со старшим сержантом, прижатая к земле локтем. Присыпанные снегом и землей провода тянулись к мине. Провода были цвета хаки, то есть выглядели всегда грязными, и заметить их, не отыскивая специально, было невозможно. А чтобы отыскивать провода специально, нужно знать, что здесь устроена засада. Но об этом никто из бандитов понятия не имел. Сама ведущая к мине электрическая цепь была проверена заранее и находилась в рабочем состоянии. Осталось только нажать кнопку. Старший сержант, как все люди, часто имеющие дело с опасными для жизни предметами, спокойный и невозмутимый, ждал только команды старшего лейтенанта Плешивого. А сам старший лейтенант предпочел пропустить мимо сектора взрыва первую часть банды, подставляя ее под обстрел автоматов и

---

³ «Лягушка» – так на армейском жаргоне называется 40-миллиметровый выстрел для подствольного гранатомета ВОГ-25-«П», где литера «П» означает – подпрыгивающая. Граната ВОГ-25-«П» после касания земли производит только первичный взрыв, который подбрасывает ее на 70 сантиметров над землей. И на этой высоте происходит вторичный взрыв, разбрасывающий осколки.

пулеметов взвода, и дал команду, только когда в центре сектора оказалась середина отряда и та плотная группа, где, предположительно, и шел Писатель.

– Пора, – сказал Тропынин. – Через три секунды...

Он лучше командира знал, куда направлена ударная сила минных осколков.

– Значит, пора... Шурик! Дави их, гадов!

Старший сержант Тропынин невозмутимо и почти равнодушно надавил ладонью на крупную пусковую кнопку. Земля под спецназовцами вздрогнула даже раньше, чем донесся сам звук взрыва. Это было странным, потому что МОН-200 была только тыльной своей стороной приставлена к скале, а взрыв направлялся в другую сторону. И все девятьсот осколков, сея зерна смерти, разом ударили по плотно идущей банде. Но, видимо, тыльная сторона мины с силой ударилась о скалу, а все окрестные скалы, похоже, составляли единый монолит с несколькими вершинами, между которыми ветром нанесло бурю землю. И потому скала и земля так содрогнулись.

– «Подствольники» – прямой наводкой! Огонь!

Дистанция для стрельбы прямой наводкой из подствольных гранатометов была почти идеальной. Гранаты ложились вытянутой линией, практически по всей длине растянувшейся по ущелью банды, и даже в ширину шел необходимый разбой. Но сила взрывов гранат, имеющих слабую силу разлета осколков, была, конечно, совсем не такой, как сила взрыва мины МОН-200. В дыму и гари, в пыли, поднятой с окрестных скал и, кажется, даже из-под самого снежного покрова, в брызгах снега – видно было плохо. Но у Плешивого глаз был опытный, и он сумел разобратить, что мина причинила больший урон противнику, чем причиняли гранаты, которых легло в десять раз меньше, чем осколков мины. Однако осколки гранат не имели той поражающей способности, что и осколки мины. Но и гранаты свое дело сделали. Потери банды были катастрофическими. Наверное, не меньше четверти из общего состава не поднималось со дна ущелья.

– Беглый огонь!

Краем глаза Виктор Сергеевич уже увидел, что третье отделение во главе с младшим сержантом Лозовским уже вернулось и вместе со всеми обстреливало гранатами бандитов общей колонны. Значит, с разведкой было покончено быстро и разом.

Около десятка бандитов, из тех, что замыкали колонну, повернули в обратную сторону. За ними, оглянувшись, побежали еще около десятка бандитов из середины. Плешивый вытащил «переговорку». Полковник ответил сразу:

– Я – Первый. Звуки боя слышу. Я на минометной позиции. Давай координаты.

– Я – Лысый. Хорошо их встретили. Принимайте...

Старший лейтенант положил раскрытый планишет перед собой на камень и дал координаты на то место, куда пытались спрятаться замыкающие движение бандиты.

– Это те, кто отступили. Сейчас и остальных туда погоним.

– Не рано? После обстрела не пойдут.

– Значит, здесь лягут. Если опоздаете, они к вам прорвутся.

– Понял. Передаю координаты командиру дивизиона. Конец связи.

Бандиты засомневались, не решаясь двигаться ни в одну, ни в другую сторону. Но такая нерешительность была для них убийственной. Или не нашлось опытного командира, готового с ходу взять на себя командование, или же командиры, которые могли это сделать, были убиты. И все же в тот момент, когда команда все-таки прозвучала и бандиты, отстреливаясь, стали отступать, за их спинами, за скалой, из-за которой они вышли, раздался сначала подавляющий волю вой, а потом послышалось сразу множество мощных взрывов, от которых и сама скала зашаталась и осыпалась пылью и мелкими камнями. А потом, когда мина в нее самую угодила, и наполовину рухнула. Но тут же раздалась другая команда. И бандиты начали дружный обстрел скалы, на которой засели спецназовцы. Бан-

дитов, как показалось Плешивому, было все же втрое больше, чем бойцов в засаде. Это можно было определить даже по плотности огня, мешающего вести прицельную ответную стрельбу.

– Зарядить «подствольники». Стреляем залпом, прямой наводкой. – Старший лейтенант выждал несколько секунд, необходимых для заправки гранаты в ствол гранатомета. – Огонь!

Встречный залп получился тоже мощным. И бандиты внизу уже собрались более кучно, готовясь к прорыву. И потому выстрелы получились результативными. Урон был заметным даже при беглом взгляде.

– Зарядить «подствольники»...

Спецназовцы дали три залпа подряд. Но к третьему бандиты уже поняли, что кучно держаться опасно, и рассеялись по всему дну ущелья. Два следующих залпа нанесли меньший урон, чем один первый. Но все же такой массированный гранатный обстрел дал возможность каждому из бойцов выпустить по нескольку очередей. Но бандиты, видимо, решились на прорыв. Применять обычную в таких случаях практику, когда половина стреляет, прижимая атакующих к земле и не давая поднять им головы, а вторая половина перебегает, меняясь потом ролями, чтобы смогла перебежать и первая половина, бандиты почему-то не стали. Хотя подобная тактика только и дает возможность избежать значительных потерь. Видимо, опытного командира среди оставшихся в живых не нашлось. Бандиты побежали все сразу. Отстреливались на бегу, но стрельба на бегу получается прицельной только после длительного обучения этому методу. Бандиты такого обучения не проходили, и это дало возможность спецназовцам существенно проредить ряды бегущих. Тем не менее они прорвались, и оставалось только по возможности расстреливать их в спины.

Виктор Сергеевич включил «переговорку».

– Товарищ полковник, они прорвались. Около половины отряда. Судя по поведению, без командования. Преследовать мне сложно. Их все еще вдвое больше, чем нас.

– Отставить преследование. Давай координаты.

Старший лейтенант снова развернул планшет и продиктовал координаты.

– Оставайся на месте до нашего прихода. Внутривойсковики уже рядом. Пусть они догоняют. Может, и тебя с ними отправлю. Если возникнет необходимость. А то они, кажется, с бомбардировщиками договорились. Авиация встретит банду у границы. Главное, чтобы погода не подвела. Конец связи...

Однако надеяться на погоду было сложно.

Конец связи, видимо, не обещал окончания операции, потому что погода была нелетная. Но нелетная она была только для самолетов. И минуты не прошло, как над головами завывали мины. Минометчики вслепую стреляли вполне прилично, хотя определить, попадают ли мины в бандитов или они просто рвутся на склонах хребтов, было невозможно...

* * *

Осмотр поля боя проводился уже вечером, перед наступлением темноты, потом шел при свете фонариков, и так почти всю ночь, и продолжился на следующий день. Спецназовцы ночевали на той же скале, с которой обстреливали банду. Туда к ним поднялся и полковник, первоначально тоже участвующий в осмотре поля боя.

– Раненых много. Вертолетами их не вывезти, погода не позволяет. На руках тащить некому. Большие половины не выживет. На них даже перевязочных материалов не припасено. «Подствольниками» их поливали?

– Так точно, товарищ полковник. Активно «подствольники» использовали.

– Много рваных ран. Это обычно после «подствольников» бывает. Пулевых меньше.

– Писателя не нашли?

– Раненые говорят, он ушел. Жив и здоров. Он был одет, как все, и шел в стороне, только охранники рядом. Старался ничем не выделяться.

– Жалко. Я думал, он в той группе, которую мы миной уничтожили. В центре или плотной толпой. Мне показалось, там командование сконцентрировалось.

– Там были иностранные наемники. Они лежат рядом друг с другом. Точнее сказать, то, что от них осталось, лежит одной большой кучей. Им хорошо досталось. Попали, видимо, в эпицентр. Направленный взрыв?

– Да. Мина направленного действия. Мой сержант просчитывал секунды, когда контакт замкнут. И хорошо. Наемники ничем не лучше Писателя.

– С этим соглашусь. И достать их бывает труднее. Напакостят, и вовремя сбегают домой. Их тоже не хотелось бы отпускать. Много на русской крови заработали.

– Ладно. Все равно надеюсь, Писатель вернется. Если услышите, что возвращается, как-нибудь сообщите в спецназ ГРУ. Персонально для меня. Хочется мне, если жив и здоров буду, почему-то добраться до него. Сам не знаю, товарищ полковник, почему. Просто хочется. Непременно хочется. Есть ощущение, что это не последняя наша встреча...

– Даст бог, встретитесь.

Ни старший лейтенант, ни полковник из антитеррористического комитета не знали, что очная встреча произойдет только через восемь с небольшим лет. А до этого будут и другие встречи. И не только у Плешивого...

Глава первая

Ближний Восток. 2013 год

Стемнело быстро. За окном уже стоял темный вечер.

– Как же вы умудрились так неудачно засветиться?

– Мы не умудрялись, товарищ полковник. Мои люди вообще в стороне были. Но мы в точности выполняли ваш план согласно вами же утвержденному графику. Минута в минуту. Это ваши люди, которые готовили операцию, прозевали ситуацию и не узнали о наличии дополнительных скрытых камер видеонаблюдения. Все видимые камеры были нами заблаговременно блокированы. Они не могли меня заснять.

– Каким образом вы их блокировали? – недовольно морщась, спросил полковник.

Ему откровенно не нравилось, что этот майор спецназа ГРУ упорно не желает брать на себя вину. Смирения в майоре нет и уважения к старшим по званию, пусть даже офицерам совсем другого ведомства, но ведомства, которое сам полковник всегда предпочитал считать главенствующей силой среди всех силовых структур страны. В его понимании, это ведомство требовалось уважать и трепетать при одном произнесении аббревиатуры из трех всем знакомых букв, как раньше трепетали при произнесении другой аббревиатуры, которое это ведомство носило. Тогда сомнений ни у кого не возникало в могуществе организации. Сейчас какой-то майор армейской разведки пытается «перевести стрелки» на это ведомство.

– Видимые камеры беспроводные, работают посредством радиосигнала. Сканер легко определил волну для каждой отдельно взятой камеры, и мы выставили на этих волнах «глушилки» радиосигнала. Три камеры вообще являются муляжами. Или просто неработающими. Это без разницы. Их и глушить не требовалось.

– А скрытые камеры?

– Скрытые камеры, насколько я понимаю, имеют проводную систему связи с компьютером охраны, и потому мы повлиять на них можем, только повредив сам кабель связи или же полностью обесточив систему электропитания домовладения. Впрочем, последнее, скорее всего, невозможно. Вернее, возможно, но толку не будет. Обычно в таких домах стоит дизельный или бензиновый генератор с автоматом. В случае аварийного отключения сетей энергопитание с генератора подключается быстрее, чем успеет выключиться телевизор.

– Почему же эти камеры не вызвали у вас беспокойства? Я говорю про кабель связи охраны и камер. Просто сам кабель повредить, и все. Дел-то...

Полковник разговаривал брезгливо, оттопыривая нижнюю слюнявую губу.

– Во-первых, потому что мы работали не по собственному плану, товарищ полковник, а по плану, разработанному вашими сотрудниками, и с той аппаратурой, которую нам ваши сотрудники предложили. Честно говоря, я сразу возражал против того, чтобы работать по чужому плану, и даже предлагал командованию выполнить задание своими силами. Меня не поддержали благодаря вмешательству вашего руководства. И вот результат. Во-вторых, это ваши люди должны были вычислить наличие скрытых камер. У нас такой возможности не было. В-третьих, каким образом мы могли обесточить систему охраны или хотя бы камеры, не засветившись в них? Даже если бы мы знали, где установлены камеры, даже если бы мы знали, где проложен кабель, мы в любом случае сначала попали бы в поле зрения охраны. И что тогда следовало бы делать? Принимать бой? Но мы, как вы знаете, приехали даже без оружия. Я считаю, что в данном случае мне пришлось попасть в объектив скрытых камер только потому, что ваши люди поверхностно продумали задание и не обеспечили мою группу необходимой информацией.

Этот майор совершенно не испытывал смущения, и это полковнику совсем не нравилось. Полковник не любил, когда с ним общаются почти как с равным. Он не желал быть равным с армейскими офицерами, которые по сути своей только инструмент в более опытных руках разработчиков. Однако как поставить на место этого майора с забавной фамилией Плешивый, полковник ФСБ не знал. Но сделать это хотелось.

– И как будем исправлять ситуацию? Что нам теперь делать? Вы же все дело завалили.

– Извините, товарищ полковник, я снова возвращаюсь к той же теме – дело завалили не мы, а ваши сотрудники, не сумевшие до конца проработать вопрос. Не знаю, кто вам утверждал такой безграмотный план. Наверное, тоже человек, мало смыслящий в подобных операциях.

– Кто утверждал, это уже вопрос не вашей компетенции. А мои сотрудники не позволили бы себе засветиться в такой простой ситуации.

– Они и не смогли с этой ситуацией справиться и именно потому пригласили нас, – упорно стоял майор на своем. – Они самое начало просчитать не сумели. Что же было бы дальше – могу предположить. Их бездарная работа закончилась бы крупным международным скандалом...

Разговор пошел, что называется, на встречах курсах. Этот майор, кажется, слишком возмнил о себе. И явно переоценивает себя и свою группу. Такие обычно не живут долго. Особенно когда высказывают в чужой адрес обвинения.

В принципе, мнение этого майора, даже если оно и будет отражено в рапорте, едва ли дойдет до верхов, и оно не сможет повредить полковнику и его команде. Хотя может и дойти, если будут серьезные разборки. И потому этого офицера следует додать каким-то образом. Или же заставить выполнить задачу.

Но пока майор Плешивый нажиму не поддавался и всю ответственность перекладывал на команду полковника Страгника. При этом сам почти деликатно стремился самого Страгника не задевать. Хотя и без того любому понятно, что ответственность за выполнение несет не кто иной, как руководитель операции. А руководил ею именно полковник ФСБ Страгник.

– Это все бессмысленные препирательства, попытки обелить себя и свои действия. Мне же важен результат. А результата сейчас, после вашего практически провального мероприятия, добиться невозможно. Писатель сейчас настороже. Охрана наверняка стоит на ушах. И не допустят ни одного момента риска, когда вы сможете произвести ликвидацию. Потому я повторяю вопрос – что мы будем делать? Вы в состоянии предложить что-то конкретное? Вы – командир расхваленной на самых высоких уровнях группы.

– Я никогда не хвалю себя сам, товарищ полковник. Но у меня не было в картере ни одной провальной операции подобного рода. В данный момент я предлагаю полностью передать решение вопроса нам. При карт-бланше мы, возможно, и сможем выдать на-гора необходимый результат. Несмотря на все допущенные ошибки в первоначальном плане мероприятий.

– У вас есть вариант? – с сомнением спросил полковник.

– Мне нужно посоветоваться с моими людьми. Может быть, мы и сумеем сделать. Мысли, по крайней мере, у меня есть. Мы обсудим и попытаемся их воплотить. И даже ситуацию исправить. Не бывает в природе таких ситуаций, которые невозможно было бы исправить, а большинство из них можно и в свою сторону повернуть.

Страгник на несколько секунд задумался. Но он всегда умел быстро просчитывать ситуации. Просчитал и в этот раз. По большому счету, если у военной разведки что-то получится, заслуга все равно будет принадлежать ему, полковнику Страгнику. Так всегда бывает, что заслуга принадлежит тому, кто составляет отчет о проделанной работе. А если случится провал, то все можно списать на самоуправство спецназовцев, решивших действовать на свой страх и риск. Вовсе не обязательно документально отражать этот разговор в отчетных

документах. Но возможность группе предоставить стоит. И даже стоит помогать по мере сил и необходимости. И отбросить личную антипатию. Полковник всю жизнь прослужил там, где необходимо уметь управлять своими эмоциями.

– Я не совсем понимаю, что вы подразумеваете, майор, под карт-бланш? – все же Страгник решил себя хоть таким образом обезопасить. – Вы имеете в виду, что будете действовать вместе со своей группой в автономном режиме, не опираясь на нашу поддержку? Или вы будете творить, что хотите, наплевав на все местные и международные законы, и тем скомпрометируете наше посольство, к которому в этой стране и без того отношение, мягко говоря, не очень хорошее.

– Ну, возможно, какая-то поддержка нам все же понадобится, – заявил майор Плешивый. – Хотя я пока не готов к тому, чтобы сказать, какая именно. Скорее всего, разговор может идти об информационном обеспечении. И о том, что вы взяли на себя сами – об оружии.

– Ладно. – Страгник скривился, словно с большим трудом заставил себя пойти на поводу у этого майора. – Оружием обеспечим. Это вопрос решенный. Я уже говорил вашей группе, что оружие плывет морем и вот-вот прибудет. Не сегодня, так завтра. А какое конкретное информационное обеспечение вас интересует? Что мы можем вам дать?

– Я бы предпочел воспользоваться вашим компьютером, выйти в Интернет и запросить свою службу. Их данным я привык доверять больше, чем вашим и вашего ведомства.

– В любое время. Только не через компьютер. Это равносильно явке с повинной. Просто заходите и пишете. Я прикажу отправить шифротелеграммой. У нас нет адреса вашего ведомства, отправим в наше, оно с вашим свяжется напрямую. Это будет быстро, без задержки, несмотря на переадресацию. Мне тоже будет интересно посмотреть, насколько ваше ведомственное информационное обеспечение отличается от нашего. И чем отличается.

– Хорошо. Я подумаю. Если можно будет без этого обойтись, обойдемся. Если возникнет необходимость, я набросаю текст и принесу.

– Исключено. Только в моем кабинете, только на бланке из блокнота для исходящих шифротелеграмм. Каждый бланк – строгого учета. Иначе нельзя. Вы в военной разведке должны были научиться понимать, что означает гриф секретности. Печально, если не понимаете...

– Хорошо. Я просто продумаю, а потом зайду к вам и напишу. Конечно, если у меня возникнет необходимость и я не смогу без этого обойтись.

– Действуйте. Если будет возможность, держите меня в курсе дела. С меня тоже ведь руководство может спросить, как обстоят дела. Я же должен хоть что-то отвечать?

– Отвечайте, что спецназ ГРУ работает...

* * *

Майор спецназа ГРУ Виктор Сергеевич Плешивый прибыл в эту крохотную арабскую страну тоже не с пустыми руками. Хотя, конечно, все необходимое оборудование, как и оружие, было им предоставлено командой полковника Страгника. Но, например, миниатюрный сканер – поисковик прослушивающей аппаратуры и скрытых видеокамер – он привез с собой. И привез со вполне определенной целью. Внешне сканер был ничем не отличим от обычного смартфона и исполнял тоже функции трубки, правда, только самые простейшие – с его помощью можно было позвонить, отправлять и получать sms-сообщения, использовать «записную книжку» с номерами, и все. Ни выхода в Интернет, ни каких-то других функций смартфона сканер не выполнял. И с помощью прибора майор сразу определил, что комнаты, которые были выделены в гостевом домике посольства для группы из трех спецназовцев, полностью и прослушивались, и просматривались. Но поскольку в посольстве обязательно существовала собственная служба безопасности, состоящая из опытных технических спе-

цов, трудно было предположить, что вся эта система контроля установлена местными властями страны пребывания. Местные власти, естественно, установили бы такую систему с удовольствием, если бы не экстерриториальность дипломатической миссии. Это понятие неизбежно в международных правовых отношениях. Значит, контроль за жителями гостевого домика осуществлялся как раз собственной службой безопасности. Едва ли, конечно, систему контроля устанавливали именно для спецназовцев. Скорее всего, она была поставлена там задолго до того, как стало известно об их приезде, на всякий случай. Но, естественно, «всякого случая» ждали и от группы спецназа, и потому система безопасности считала своим долгом за ними присматривать тоже. И руководил всей системой безопасности посольства человек, о котором майора Плешивого заранее предупреждали еще перед командировкой. Виталий Борисович Стражник официально назывался третьим секретарем посольства, хотя все знали, что он к дипломатии никакого отношения не имеет и в действительности носит погоны полковника ФСБ. Человек с большими амбициями и самомнением, имеющий большую протекцию, потому что некогда, еще во времена КГБ, помогал в служебных делах отдельным лицам, которые впоследствии заняли высокие государственные посты. Но майор Плешивый не привык заикливаться на личности того, кто им командует. Во время службы часто случалось, что спецназ ГРУ включали в качестве составной части в чью-то проводимую операцию. И командовали этими операциями всегда разные люди. Как всякий кадровый военный, Виктор Сергеевич хорошо знал, что такое дисциплина и субординация, и одинаково ровно воспринимал и толкового вдумчивого руководителя, и самодура, каких тоже в любой силовой структуре хватает, и самовлюбленного дурака с надутыми красными щеками, что тоже не редкость в современной действительности. Виктор Сергеевич привык делать свои дела и всегда старался делать их хорошо. Два офицера его группы, капитан Никодимов и старший лейтенант Щетинкин, уже два с половиной года служили вместе со своим командиром и за это время успели сработаться так, что хорошо чувствовали один другого даже тогда, когда нельзя было общаться с помощью слов. Они умели понимать друг друга по взглядам и жестам, и майор всегда мог полностью положиться на своих сослуживцев. Он и полагался, зная, что они его поддержат, когда трудно, и не постесняются сказать командиру, если тот не прав...

* * *

Просторный и ухоженный, подковой опоясывающий основное здание посольский двор имел собственный небольшой фонтан в саду и скамейки рядом с ним. Фонтан работал даже зимой, поскольку настоящей зимы здесь никогда не было. При этом один из старейших работников посольства вспоминал, что однажды на его долгой памяти даже на этом южном берегу Персидского залива выпадал снег. То есть зима и здесь была зимой, но она долго, естественно, продержаться не могла. Даже в тот снежный год у зимы не хватило выносливости, чтобы противостоять привычному климату. Выключали ли фонтан во время снегопада и, естественно, сопутствующих ему пусть небольших, но морозов, майор Плешивый не знал. Может быть, в те годы и фонтана во дворе не было. Но это и не являлось каким-то жизненно важным вопросом. Потому и узнавать, спрашивать не стоило. Тем более, предстояло решить более важные, насущные вопросы.

Капитан Никодимов и старший лейтенант Щетинкин ждали своего командира на скамейке рядом с фонтаном, как и договаривались. Майор подошел своей широкой, вразвалку походкой кавалериста, доставшейся ему в наследство от многих поколений предков – кубанских казаков, воинов и наездников. Подошел и тяжело сел на скамейку. Тяжело – не потому, что устал, а потому, что был сам тяжелым. Высокий и необыкновенно широкоплечий, длиннорукий, Плешивый производил впечатление очень сильного от природы человека, каковым

вообще-то и был в действительности. И проверять его физические способности находилось не много желающих.

У фонтанчика можно было разговаривать спокойно. Смартфон-сканер не находил в пределах нескольких метров своего действия подслушивающих устройств, хотя инфракрасные видеокамеры наверняка контролировали территорию. Но эти камеры, даже если они и оснащены дистанционными микрофонами, едва ли в состоянии что-то уловить при постоянном шелесте воды в фонтанчике. Да и дистанционные микрофоны чаще всего бывают настроены на прослушивание разговоров в замкнутых пространствах, где колебания голоса передаются на внешние предметы, которых на открытом месте не бывает. А микроколебания воздуха дистанционные микрофоны обычно считывают только при полной тишине вокруг.

– До чего этот полковник докопался? – спросил капитан. – Чем мы ему не угодили?

Плешивый вздохнул.

– Не мы не угодили, а вину он пытается на нас свалить. Свои погоны он сильно уважает и потому ищет виноватых на стороне. Короче говоря, дело обстоит так... У полковника есть «крот» в местной полиции или в службе безопасности, я так и не понял точно где. Информация от «крота» пришла. Когда мы вчера осматривали место, нас засекли камеры. Не знаю, как вас. Вы в машине сидели. Пока разговор шел конкретно обо мне. Меня камера зафиксировала, компьютер идентифицировал и зарегистрировал, что я четырежды проходил через охраняемый периметр. И тогда стали выяснять мою личность. На это ушли вчерашний и сегодняшний дни. Но выяснили-таки. Не могу не отметить хорошую работу спецслужб. Хотя иностранца найти, конечно, легче, чем местного жителя. А предположить, что жилищем Писателя интересуется кто-то из России – это в первую очередь. Проверили всех, наверное, кто приехал в страну в последние дни, и определили. Теперь проявляют ко мне повышенное внимание.

– И что они таки выяснили? – Капитан с силой почесал сжатым кулаком свой похожий на картофелину нос. Это была старая привычка капитана, и майор Плешивый знал, что, если капитан Никодимов усердно чешет нос, значит, он нервничает, хотя старается этого не показывать. У капитана Никодимова не было привычки недооценивать противника. Это его командир знал хорошо и знал, как серьезно Юрий Владимирович относится к любому делу, которым занимается. А нервничать может любой человек, даже обладатель самых крепких нервов. Только все это по-разному показывают. Кто-то с мрачным видом молчит, кто-то в истерику впадает, а кто-то свой нос кулаком чешет.

– Выяснили, что я – российский бизнесмен, приехал для изучения возможных рынков сбыта. И, вероятно, уверены, что я не просто так, а с бизнес-целями прибыл. Если конкретнее, я попал в круг подозреваемых лиц, интересующихся неоднозначной личностью Писателя. Если с ним что-то случится, они будут знать, кого и где искать и за какое место меня хватать.

– Подожди, командир, – вступил в разговор старший лейтенант. Черноволосый, большеглазый, с красивой восточной внешностью покорителя женских сердец, Николай Валерьевич обычно сразу замечал любые несоответствия ситуации и часто высказывался по ним с некоторой излишней горячностью. – А что, приборы наши не сработали? Я зря, получается, облучался, таскал с собой «глушилку»?

Вообще-то современные переносные «глушилки» уже совсем не те, которые раньше занимали целую специальную машину и пускались впереди президентского кортежа, чтобы перебить все радиосигналы и не допустить активации радиоуправляемого взрывного устройства. Те – да, действительно служили сильнейшим источником облучения для тех, кто с ними работал, и, помимо всего прочего, для людей, случайно попавших в сектор работы глушилки. Современные же основаны совсем на ином принципе, более компактны и удобны и не требуют задействования большого количества специалистов, и не несут в себе опасно-

сти облучения. Тем не менее старые легенды об опасности аналогичных приборов по-прежнему живы в народе и в армии, из народа состоящей. И каждый, кто с такими приборами работает, этими легендами напичкан по самые уши и любит об этом напомнить.

Майор объяснил конкретно:

– Приборы сработали и создали помехи в системе наблюдения открытыми камерами, теми, которые работают на радиоволне. Это здесь частое явление. И на наши помехи внимания бы не обратили. Помехи обычно идут с американской вертолетной базы, когда там что-то включают. Оборудование какое-то особое, дающее мощный электромагнитный фон. Но на нашем объекте, оказывается, есть еще скрытые камеры кабельной связи. Они меня и отметили. Об этих камерах помощники полковника Страгника не знали, потому и заставили меня засветиться. Подставили, если говорить современным русским языком. И теперь мне, да и всем нам тоже, думаю, необходимо быть предельно осторожными и ждать возможной проверки. Это может быть любого рода провокация. Что они должны проверять? В первую очередь, нашу боевую и физическую подготовку. На ликвидацию государственного и уголовного преступника дилетантов не пошлют. Это понимает каждый охранник и сотрудник службы безопасности. Это, как говорят в народе, даже ежу понятно. Устроят какую-нибудь подставу, чтобы определить наши способности. Будем готовы ко всякому развитию событий. Демаскироваться нельзя. И, в первую очередь, это касается меня, поскольку засветился именно я.

– Хреново, – сказал Никодимов. – Тебе, Виктор Сергеевич, туда соваться больше определено нельзя. Еще больше внимания привлечешь. Сами охранники и попытаются тебя побить. Это и будет проверка.

Майор широко улыбнулся.

– С одной стороны, могу согласиться. С другой – категорично не соглашусь, – Виктор Сергеевич повторно улыбнулся своему нечаянному каламбуру. – А теперь будем думать и гадать, какая из противоположных сторон интереснее с точки зрения выполнения задания. С задания нас никто, к счастью, не снимал. И потому надо искать пути к его выполнению. И я такой путь вижу, пока только один, хотя подозреваю, что путей может быть и несколько.

– Если мы, командир, без тебя все сделаем, а ты будешь только сторонним наблюдателем, все равно сцапают тебя, а потом и нас, потому что мы прилетели втроем одновременно и с одинаковым прикрытием, – сказал старший лейтенант. – Мне лично не очень хочется провести остаток жизни где-нибудь в здешнем зиндане⁴. Зимой, я слышал, там холодно, а летом слишком жарко. И пить не дают вовремя. И фонтана там нет. Нет, это определенно мне не по вкусу. Но дело даже не в зиндане. Если случится провал, тогда наш вопрос перейдет на уровень международных скандалов. И мне хочется спросить – это кому-то нужно?

– Тебя в этом случае задевает персонально личность полковника Страгника? Кстати, при латинском написании его фамилии ее можно прочитать и как «стражник». Так что здесь он на месте, руководство его действиями довольно. Но вот недоволен Николай Валерьевич. Есть на то веские причины?

– Нет, я безотносительно личности. Хотя возможно использование конкретной личности в каких-то определенных действиях, направленных сугубо против спецназа ГРУ. Некая межведомственная возня, в которой мы можем оказаться крайними. Стоит такой вариант рассматривать, Виктор Сергеевич?

Плешивый пожал плечами. При общей ширине его плеч со стороны казалось, что майор размахивается, желая кого-то ударить.

---

⁴ Зиндан – у многих народов Средней и Центральной Азии, Кавказа и Ближнего Востока в качестве тюрьмы используется зиндан – глубокая яма, лестницу в которую опускают только сверху, и выбраться откуда самостоятельно невозможно. В зависимости от количества заключенных, зинданы бывают разного диаметра.

– У нас нет конкретных данных, кроме ошибки, которая могла бы оказаться значительной и даже значимой. Но это тем более должно мобилизовать нас на выполнение задания. Несмотря на все происки недоброжелателей с фамилиями вертухаев⁵. Хотя полностью отметить свои ощущения тоже не стоит. И потому в общении будем проявлять осторожность.

– Кажется, командир, у тебя конкретная дорога просматривалась, – напомнил капитан Никодимов. – С одной стороны и с другой...

Майор, соглашаясь, наклонил голову на крепкой шее.

– Еще не дорога, а, как у нас в России положено, направление. Наши внутренние русофилы и либерасты говорят, вездеходы придуманы русскими для того только, чтобы не строить дороги, хотя сами ни одной дороги не построили. Значит, и мы, как люди русские, обязаны уметь двигаться без дороги, ориентируясь по направлениям. Это и будет наш путь. По сути дела, нам придется идти на ощупь.

– А конкретно?

– А если конкретно, то следует оправдать перед местными спецслужбами и перед охраной Писателя мое появление в пределах его дома.

– Хорошая мысль. Но такое оправдание – это что? Если мы «уберем» все же его, это значит, что ты оправдался? Так? – Юрий Владимирович не понимал, что предлагает майор.

– Примерно так... Если *вы* «уберете» его...

– То есть? – капитан требовал конкретики. – Объясняй, если начал...

– Я хочу запросить в Москве все данные на Писателя. Нашу картотеку, чтобы было без «биологически-активных добавок» ФСБ. Полную подноготную, если возможно, с психологическим портретом. Обязательно должно быть что-то такое, на что его можно зацепить. Он не вел праведной жизни. Воровал там, скорее всего, ворует и здесь. От дурных привычек избавиться трудно.

– Что конкретно нужно? – спросил капитан. – Я участвовал в охоте за ним еще во времена, когда Писатель жил в Грозном. Помнится, в две тысячи втором году. Я тогда только начинал службу. Получил взвод под командование, и пришлось «подчищать» дела предыдущего погибшего командира взвода. Напрямую против Писателя работали. И я внимательно изучал досье. Что-то в памяти сохранилось, хотя, конечно, немного.

Во времена, когда Писатель жил в Чечне, когда он был одним из идеологов отделения Чечни от России, майор Плешивый еще не работал со своими нынешними подчиненными. И каждый из них в те времена был занят своим делом. Капитан Никодимов тогда, наверное, в лейтенантах ходил. А старший лейтенант Щетинкин вообще, судя по датам, тогда только в училище спецназа поступил и не представлял еще, что ему предстоит, и слыхом ни о каком Писателе не слыхивал.

– Я тоже за ним охотился. Правда, без досье. И было это на три года позже. Я пытался не допустить его уход за границу. Но сил было мало. Я со своим взводом отряд Писателя встретил в засаде. Многих положили, но часть прорвалась к границе. В том числе и сам Писатель. А досье нужно обширное, отражающее все, что можно добыть. Чтобы я имел возможность выбора.

Капитан Никодимов пожал плечами.

– Так в чем проблема? Запроси. Думаю, пришлют. Вопрос серьезный.

– Осторожность, про которую я говорил... Я не отмечаю до конца предположения Николая Валерьевича. Не уверен, но могу допустить промахи в работе помощников Страгника не простым неумением работать, а конкретной направленностью против спецназа ГРУ. Мне нужно сделать это так, чтобы материалы не попали в руки полковника Страгника и чтобы он не знал, что я задумал, иначе могут опять появиться какие-то обстоятельства, кото-

---

⁵ Вертухай – охранник, стражник. Намек на фамилию полковника Страгника.

рые мы втроем предвидеть просто не можем. Не очень верю я полковнику. Надо свои пути искать через военную разведку.

– Резидентура? – спросил Никодимов.

– Да.

– Есть выход на резидента?

– Откуда? Кто мне даст такой выход.

– Тогда о чем говорить?

– Говорить стоит о том, как сделать так, чтобы резидент сам вышел на меня. Пусть даже не лично. Пусть даже с какой-то оказией, через своих помощников. Но – вышел.

– Да, наверное, это единственный вариант, который нам позволят осуществить, – согласился капитан. – Карты перед нами в полном объеме никто раскрывать не будет, но информацию могут передать. Только как отправить запрос?

– Проще простого, – вмешался в разговор старший лейтенант Щетинкин. – Просто позвонить. Открытым текстом, но без подробностей.

– Слишком большой риск. Это вариант возможного провала резидента. По крайней мере, в Москве это могут расценить именно так и сразу откажут, без раздумий. А нам надо, чтобы они подумали. К тому же я не уверен, что у местных спецслужб еще нет номеров наших телефонов. Наши трубки проверяли на таможне без нашего присутствия. Могли определить номера, хотя тогда необходимости в этом не было, но тем не менее. Эта страна традиционно не входит в число дружественных России, и ко всем к нам пристальное внимание, я бы даже сказал, враждебное. Трубки могут прослушивать. Надо думать, как можно осуществить запрос. Всем думать надо. Может, что и надумаем.

– Извини, командир, но я так и не понял главного, – стоял на своем капитан Никодимов. – Что тебе даст даже самое полное досье?

– Я разве не объяснил? Мне нужна зацепка, с которой я могу прийти к Писателю. Любая, чтобы иметь возможность хоть шантажировать, хоть предупреждать. Даже предупреждать об угрозе... Любая зацепка. И убьют Писателя... Убьете, то есть Писателя, у меня на глазах и в присутствии других людей. Но так, чтобы в этот момент с ним рядом был я. Тогда будет оправдание моим прогулкам рядом с его домом – я искал контактов с ним по делу. И уже не будет подозрения, что я готовил на него покушение. Можно даже ранить меня, просто за компанию. А еще кого-то убить, из его людей. Я не сильно обижусь, если рана будет несерьезной. Юрий Владимирович у нас стреляет так, что может просто по касательной меня задеть. Его и попрошу...

– Возможно, это вариант, – согласился Никодимов. – Честно говоря, я из прошлого досье мало какие мелочи помню, но, кажется, были там моменты, связанные с адатом. У Писателя есть «кровники». Их он опасается, наверное, больше, чем российского суда, который уже вынес ему заочный приговор. Давайте будем соображать. А что касается выстрела, то я однажды уже держал Писателя на прицеле «винтореза». Но тогда не было уверенности, что это именно он. Не хотелось убивать другого, непричастного к делу, и я не стал стрелять. Теперь я в него выстрелю без сомнений и обещаю, что не промахнусь. Давайте соображать...

– Будем соображать, – согласился майор.

– Но я попробую хоть что-нибудь вспомнить...

Глава вторая Чечня. 2002 год

Ветер дул северный, тягучий, степной, ледящий лицо и шею. Снег активно таял и пропитывал воздух влагой. Однако температура воздуха временами была еще минусовой, и ветер приносил холод.

Но земля на дороге – густой жирный чернозем – днем была вязкой и цепко хваталась за лодыжки, мешая ходьбе. Приходилось идти не по дороге, а по полю, по густой траве, местами достающей до пояса. Но трава росла так густо, и столько лет уже никто не прикасался к ней косилкой, что она успела переплестись и перепутаться стеблями, и порой приходилось «с боем» продираться через нее. Но даже такое передвижение было более скоростным, чем передвижение по грязной и разбитой грузовиками дороге. Обычно по ней вполне можно передвигаться, пропустив впереди себя танковую колонну. Но здесь танковая колонна не проходила, а только грузовики оставили колею и многочисленные ямы.

Ночью, в зависимости от погоды, дорогой идти было можно. Но только тогда, когда основательно подмораживало. А это случалось, в основном, во второй половине ночи. А в первую половину, когда грязь не успела еще схватиться, как цементом, отрицательными температурами, приходилось идти по траве.

В ногах чувствовалась вялость.

– Привал! – объявил лейтенант Никодимов и перевел дыхание. Маршрут утомлял даже его, что уж о солдатах говорить. Но они терпели, как и сам командир взвода. И привалу все были рады. Обычный привал – пятнадцать минут отдыха. Но если просто так упадешь на сырую еще и прохладную землю, разбросав руки в стороны и будешь думать, что отдыхаешь, ты не отдохнешь. Лучше уж потратить лишнюю минуту, сбросить рюкзак, снять бронезилет, и только тогда, подыскав себе место посуше или где трава погуще, свалиться и руки с ногами раскинуть крестом.

Командир взвода, как обычно, оказался в середине круга. Он не ложился, хотя тоже на землю сел и поглядывал на небо. Взвод находился уже третьи сутки на марше. А в первые сутки, в самом начале движения, когда вот так же расположились отдыхать, в небе внезапно появилось звено из двух вертолетов МИ-8. Вертолеты летели в стороне, но взвод, должно быть, был замечен, потому что, совершив разворот, вертолеты вернулись и пролетели над ними. Сначала Юрий Владимирович не отреагировал на возвращение ракетноосцев. И только потом, когда вертушки совершили еще один круг и снова стали к ним приближаться, лейтенант заметил, как одновременно опустились носы того и другого вертолета. Так бывает, когда ракетноосцы идут в атаку. Их, видимо, приняли за банду, прячущуюся в траве. Офицер и двадцать три солдата с ним расположились тесным кругом, ихватило бы пары НУРСов, чтобы взвод перестал существовать. И, растеряйся лейтенант, быть бы беде. Однако Никодимов принял единственно верное решение. Отличить армейское подразделение от банды сверху было сложно. И те и другие носят камуфляж. Знаков различия сверху не видно. Оружие у всех практически одинаковое. А случаи расстрела авиацией своих же уже были известны и многократно обсуждались. Единственное, что могло отличить взвод, от банды, это строй. И лейтенант дал резкую команду:

– Взвод! В две шеренги становись! Быстро! Быстро!

После утомительного участка пути вставать никому не хотелось. Тем не менее резкий голос командира был отмечен всеми. Хотя необходимость построения не всем была понятна. Тем не менее команду выполнили быстро. Сам Никодимов повернулся в сторону вертолетов и хорошо увидел, как ведущий звена качнул крыльями, а потом лег на разворот.

Беда миновала...

* * *

Путь был долгий и, по возможности, предельно скрытный. Если вышли в середине дня и сначала, на контролируемой территории, двигались открыто и даже часть пути проехали на машине, пока водитель не отказался ехать дальше из-за грязи, то по территории, где в отсутствие федеральных сил еще хозяйничали банды, продвигались только ночью. И чем ближе была конечная точка маршрута, тем старательнее прятались, заведя издали грузовик или «уазик», пусть даже и военный. По здешней дороге проезжали только грузовики и «уазики». Ни одной другой машине справиться с вязким черноземом было невозможно. Да и зачем нужно было другим машинам выезжать на эту дорогу, если не так далеко существовала другая, идущая параллельно, с нормальным покрытием, которое когда-то даже асфальтом называлось. Впрочем, асфальт не всем был по душе или, скорее, по необходимости. Однажды на рассвете, незадолго до того, как должна была прозвучать общая команда к отдыху, взвод увидел, как буксует в грязи хваленый японец «Тойота Ленд Крузер». Машина мощная, но слишком оборотистая, и высокие обороты колеса закапывают ее в грязь и сажают на обе оси. И всякие электронные помощники и хитрые муфты дифференциалов оказываются не в состоянии что-либо сделать. За «Ленд Крузером» лейтенант Никодимов наблюдал в бинокль. Водитель и двое пассажиров поочередно орудовали одной на всех лопатой, пытаясь прокопать колею, чтобы сдвинуть внедорожник с места. Еще один пассажир в грязь не выбирался, сидел на заднем сиденье. Должно быть, чувствовал себя слишком значимой персоной, чтобы грязь месить. Все четверо были чеченцами. Бинокль не давал возможность хорошенько разглядеть автомобиль, но командиру взвода показалось, что машина бронированная. Только у бронированной машины стекла имеют, если посмотреть со стороны, затемненную кайму – технологическая неизбежность, выдающая класс машины и класс ее владельца. Не каждому достается бронированный внедорожник, стоимость которого в пять раз превышает стоимость оригинальной машины.

Никодимов, на всякий случай, записал номер внедорожника. Хотя Чечня и хотела считать себя самостоятельным государством, номера госрегистрации чеченцы использовали российские, если вообще ставили на машины номера. Кончилось дело тем, что один из пассажиров ушел по грязной дороге в обратную сторону. Наверное, в село за трактором. Карта местности показала, что до села двенадцать километров. Ждать, когда внедорожник вытащат, лейтенант не хотел, хотя солдаты с удовольствием отдыхали в то время, когда командир взвода производил наблюдение. Отдыхали они не зря. Командир решил, что хорошо отдохнули.

– Набрались сил? Ну и отлично. Головы не поднимать, ползком разрываем дистанцию с дорогой. Подняться можно будет только за ближайшим холмом. Вперед!

Ползти пришлось больше двух часов. Никодимов не знал, есть ли в машине бинокль. Но, если бинокль есть и если кто-то пожелает просто поглазеть по сторонам, он может заметить взвод, идущий в рост. И потому лейтенант предпочел иной способ отдаления от дороги. Впрочем, на занятиях и солдатам, и командиру взвода вместе с ними иногда приходилось ползать и дальше и преодолевать большие расстояния. И потому нагрузка никому не показалась чрезмерной. Зато благополучно ушли от возможного наблюдения за собой. А «засветка» в маршруте, тем более в самом его конце, разумеется не желательна. Но все закончилось благополучно. И только к девяти часам утра взводу удалось устроиться на отдых. Выставили, как обычно, трех часовых с разных сторон. Но обычным было не то, что часовых было трое, а то, что выставляли их с каждой стороны, откуда возможен был подход к месту отдыха взвода. Чаще выставляли четверых. В этот раз повезло,

одну сторону перекрывала река. Хотя, наверное, в летнее время года это была не река, а речушка, почти ручей. Но в период активного таяния снегов в предгорьях вода в русле поднимается значительно, бурлила, набирала скорость и мощь. В такую речку никто соваться не пожелает. Человеческие ноги не смогут удержаться в этом потоке даже в том случае, если здесь не глубоко.

Но четвертый часовой все же тоже был. Он находился в самом лагере и отвечал за подъем сменной группы. Когда выставляли по четыре часовых на внешнем периметре, в лагере находился пятый часовой. Держать, как полагается в карауле, «бодрствующую смену» лейтенант не стал из-за малочисленности своей группы. Двадцать три человека, помимо самого лейтенанта. Во взводе числились еще шестеро солдат. Но они попали в плен еще до прихода во взвод лейтенанта Никодимова, тогда, когда погиб в бою предыдущий командир взвода. И сейчас взвод вместе с новым командиром отправился к своим товарищам на выручку.

Вообще-то найти попавших в плен солдат бывало обычно сложно. Только через продолжительное время что-то удавалось выяснить. Однако в этот раз, когда все шестеро оказались в одном месте, сами бандиты поторопились заработать на пленниках. Письма идут долго, и потому они позвонили солдатским матерям. Условие было одно и категоричное. Срок – два месяца. Если за это время за солдат не заплатят небольшой по тогдашним меркам выкуп по миллиону рублей за каждого, все они будут расстреляны. Если заплатят за пятерых, а за одного не смогут, все равно расстреляны будут все шестеро.

Вести переговоры взялась Валентина Ивановна, мать одного из пленных солдат, женщина, с сильным духом и почти спецназовским хладнокровием. Валентина Ивановна много лет проработала в прокуратуре и умела общаться с бандитами без слез, но со своими логическими требованиями. А для бандитов в то время по всей Чечне главное было уже не война, а заработок. Надеяться на победу им уже не приходилось. Причем бандиты были согласны на любой заработок. Если до второй чеченской войны они заламывали невероятные цены за каждого плененного или украденного человека, то теперь ставки снизились ближе к реальным возможностям простых семей, чьи сыновья ушли на эту войну. Но, как считали бандиты, любая семья может ради сына продать квартиру, чтобы заплатить выкуп. Если не хватит денег, может занять.

Валентина Ивановна сразу привезла с собой требуемую сумму. Конечно, только за одного своего сына. И осталась в бандитском лагере, чтобы общаться со своим сыном и с его пленными товарищами и передавать другим матерям о том, в каком положении находятся их сыновья. Объяснялось ее присутствие просто. Платить выкуп за тех, кто погиб, люди не хотели. А бандитам никто не верил.

Валентина Ивановна поддерживала контакты с другими матерями. Но еще перед поездкой, зная, что ей предстоит, и понимая, что для семей половины пленников даже этот выкуп оказывается неподъемным, женщина обратилась напрямую к командованию спецназа ГРУ. И была разработана целая операция по спасению пленников, в которой бывший работник прокуратуры стала важным составляющим звеном.

Первое, что требовалось спецназу, это определить место содержания солдат. Тогда уже было возможным определить и то, в чью зону влияния это место попадает. То есть кто из полевых командиров захватил солдат. А такие данные могли помочь при разработке операции. Войсковая операция в этом случае не подходила, потому что пленники могли быть уничтожены в момент наступления федеральных сил и все следы пленения заметены. Полевые командиры умели это делать, и именно потому судьба многих из тех, кто попал в плен, до сих пор остается неизвестной. Здесь решили действовать по-другому, аккуратно и своими методами, когда задействуются незначительные мобильные силы, способные решить задачу более четко, чем силы значительные и заметные.

И деньги, которые Валентина Ивановна повезла бандитам, тоже были выделены командованием спецназа. И ее сотовый телефон был взят на контроль местонахождения с помощью спутниковой системы управления космической разведки ГРУ.

Звонить женщине разрешали, понятно, только в присутствии кого-то из бандитов. И разговоры допускались только с другими матерями. Причем разговоры довольно короткие, в которых сообщалось о самочувствии пленника и спрашивалось о том, как продвигается дело со сбором денег. Информация шла, что деньги собираются. Собирается уже общая сумма, на всех пленников. Все остальное время мобильник Валентины Ивановны находился у человека, который называл себя Тамерланом и являлся, кажется, местным начальником охраны. Не только охраны пленников, но вообще всей охраны отряда и отрядной базы, располагающейся, по сути дела, на окраине большого села, где бандитов полностью поддерживали. Местное население относилось к Валентине Ивановне враждебно. Сначала ее хотели поселить в одном из домов села. Потом, чтобы обезопасить от местных жителей, Тамерлан приказал отгородить для женщины закуток в здании заброшенной фермы, там же, где жила часть бандитов. Это было не совсем удобно, но с неудобствами Валентина Ивановна мирилась ради большого дела. Дважды Валентина Ивановна встречалась для короткой беседы с главарем бандитов, которого называли Писателем. Она знала, что он еще в советские времена и вправду был писателем, и даже занимал какую-то уважаемую по тем временам должность в чеченском отделении Союза писателей России. А потом вошел в правительство, где занимался вопросами идеологии. Но идеология не мешала Писателю быть откровенным бандитом и полевым командиром. Желая понять этого боевика, Валентина Ивановна пыталась даже найти хотя бы одну его книгу, чтобы прочитать. Но ей сообщили, что все книги писателя были написаны на чеченском языке, а на русском он публиковался только в каких-то московских журналах в переводе. Найти в селе эти журналы возможности не представлялось.

Все эти подробности лейтенант Никодимов узнал позже, после завершения операции. Тогда же он просто скрытно приближался к родовому селу Писателя, намереваясь освободить пленников. Естественно, вся координация работы взвода осуществлялась посредством радиосвязи. Для этого к взводу из штаба бригады был прикомандирован сержант радист. Сеансы связи для обмена свежими данными осуществлялись ежедневно поздно вечером перед тем, как взвод выступал в очередной переход.

* * *

Двенадцать километров до родового села Писателя. Человек из «Тойоты Ленд Крузер» пошел туда пешком. Расстояние не великое. Чуть больше обычной утренней пробежки на ежедневных занятиях спецназа ГРУ. Взвод тоже не собирался ехать на машине, но днем взводу лучше было никому не попадаться на глаза. То есть категорически не рекомендовалось это. Иначе вся операция могла бы пойти насмарку, и потому все отдыхали. Отдыхал и командир взвода. Наломав крупной многолетней травы, он соорудил себе подстилку. Под травяную подстилку пристроил бронезилет, под руку свой «винторез»⁶ со снятым для сохранности оптическим прицелом. Точно такие же подстилки устраивали себе и солдаты. Оставлять после себя следы в открытой местности было нежелательно, хотя и допустимо, поскольку это не рядом с селом, к тому же следы потом можно ликвидировать,

---

⁶ «Винторез» – бесшумная снайперская винтовка ВВС (винтовка снайперская специальная) калибра 9×39 мм. Специально разрабатывалась как оружие для спецподразделений. Снаряжена прицелом ПСО, перемаркированным под баллистику патрона 9×39 СП-5. Прицельное приспособление включает в себя боковую планку для крепления ночного прицела. «Винторез» использует интегрированный глушитель. Имеет коробчатый магазин на 10 или 20 патронов.

разбросав ту же траву. Но это в любом случае было лучше, чем простыть, устроившись просто пусть и уже на обеснеженной, но все же не прогретой земле. Чихнуть во время скрытных действий – значит погубить и себя и товарищей. Потому простывать никто не желал.

Уснул лейтенант сразу и проснулся от звука шагов. Открыл глаза и увидел, что к нему подходит часовой уже следующей смены. Значит, спал лейтенант Никодимов долго и крепко и не слышал, как произошла смена часовых. Это тоже хорошо. Бойцы свое дело знали и сменялись бесшумно.

Юрий Владимирович, вопрошая, вскинул подбородок.

– Трактор за машиной приехал.

– Куда вытаскивают? В какую сторону?

– Вперед. Хотят продолжить движение.

Сам водитель хороший, Юрий Владимирович, выражая неодобрение, покачал головой.

– Дорогой выбираются?

– Дорогой.

– Неужели «Ленд Крузер» не может рядом с дорогой проехать! Рядом с нею не застрянешь. Прямо по елкам...

Дорогу от поля и холмов отгораживали молодые, не способные помешать движению елки и не густые листовые кусты – будущий лес. Угроза для внедорожника в этих условиях только одна – может слегка поцарапать пластиковый обвес и бампер. Но, видимо, водитель старается беречь машину. Или хозяин так приказал, понадеявшись на силу двигателя, большой клиренс и электронных помощников при движении по бездорожью.

– Вытащили уже?

– Первый раз вытащили, через десять метров снова застрял.

– Дурное дело нехитрое. Пойдем, посмотрим за ними.

Собраться лейтенанту было недолго. Только вытащил бронезилет из-под травяной подстилки, на бронезилет надел «разгрузку» и поставил прицел на свою винтовку. Вместе с часовым они взобрались по самому крутому склону на холм. По другим, более пологим склонам взбираться было рискованно. Склоны просматривались со стороны дороги. Наверху Никодимов нашел удобное место между двумя камнями в тени скалы, где не будут бликовать на свету стекла бинокля. Вообще-то стекла официально считаются с антибликовым покрытием, и изготовители никак не хотят верить эксплуатационникам, что бинокли все равно бликуют. И даже не обязательно на солнце.

Устроившись поудобнее, командир взвода глянул через плечо на сопровождающего его рядового контрактной службы, который свой бинокль даже не вытащил из пластикового чехла:

– Совсем уж за камень присядь, чтобы и голова не торчала. Все равно без бинокля ничего не увидишь.

Рядовой правильно понял командира и достал бинокль. Теперь можно смотреть вдвоем и обмениваться мнениями.

Никодимов смотрел долго. Его заинтересовал третий пассажир, который все же вышел из машины и, заложив руки за спину, прогуливался по траве, пока трактор пытался в очередной раз вытянуть из грязи тяжелый внедорожник. Но, кажется, слова, которые командир взвода сказал своему солдату, были услышаны и в стороне. Трактор явно тащил «Тойоту» не по дороге, а с нее, на траву и молодые елки, едва поднявшиеся чуть выше уровня колен. Елки росли самосевом и очень густо. Тем не менее они не могли противостоять широким колесам «Ленд Крузера» и машину бы не задержали.

– Теперь поедут... – сказал солдат.

Но лейтенанта Никодимова интересовало не это действие, а третий пассажир. Конечно, бинокль не давал возможности хорошо рассмотреть человека. Тем более, с человеком этим Юрий Владимирович никогда не встречался, а только видел его лицо на не слишком качественной распечатке розыскных данных. Тем не менее подумалось, что это и есть тот самый пресловутый Писатель. И он уезжал из села тогда, когда к селу подходила еще неведомая опасность. Если это в самом деле он, упускать этого человека не стоило. На его совести много грехов против федеральных сил и против русского населения Чечни и близлежащих областей.

Отложив на камень бинокль, лейтенант подготовил «винторез». Дистанция была сносная – около трехсот двадцати – трехсот сорока метров⁷. При мастерстве снайпера, которым обладал лейтенант, этой дистанции хватило бы для качественного выстрела. Вставив магазин с бронебойными зарядами СП-6, дослав патрон в патронник, Юрий Владимирович долго смотрел в прицел. Он не прицеливался, он просто рассматривал человека, которого принял за Писателя. И командира взвода взяло сомнение. А если это другой человек? А если этот человек ни в чем не повинен? И совесть не позволила выстрелить в третьего пассажира внедорожника. Но в то же время человек этот мог быть тем самым разыскиваемым полевым командиром. И упускать Писателя не хотелось. Подумав еще несколько секунд, Никодимов перевел прицел на машину. «Тойота Ленд Крузер» буксовала, но все же выбиралась из колеи на хорошую почву, по которой могла бы поехать и могла бы проехать. И тогда захватить полевого командира в его родовом селе было бы уже невозможно. Решение пришло быстро. Дистанция подходящая. Прицел перешел с переднего колеса на заднее, потом назад. Выстрелы не гремели. «Винторез» стрелял негромко. Легкосплавные колесные диски продолжали еще некоторое время вертеться в грязи, но они уже вертелись без покрышек, только разрезая грязь металлическим ободом и глубже засаживая севию набок машину в почву.

Наконец двигатель заглох, и водитель выскочил со своего места. Он присел перед машиной и схватился за голову двумя руками. Два левых колеса, переднее и заднее, лишились резины. Но предположить, что виной всему были пули, никто не мог. Не было к тому никаких оснований – выстрел бесшумной винтовки с такого расстояния услышать было невозможно.

– Приплыли... – спокойно констатировал солдат за спиной лейтенанта и повесил свой бинокль на грудь.

– Далеко уплыть не смогли, – отозвался Никодимов. – Однажды на моих глазах так же разорвалась резина на «Кайене». Тоже при пробуксовке. Но там даже крыло выломало и без пули обошлось. А здесь сразу два... Что поделаешь... Низкопрофильная резина слабая.

Делать два выстрела пришлось потому, что на двери багажника внедорожника висело запасное колесо. Но запасное колесо всегда бывает в единственном экземпляре. Сразу сменить колесо и продолжить движение у человека, которого куда-то отвозил внедорожник, возможности не было...

---

⁷ Прицельная дальность «винтореза» составляет четыреста метров с обычным оптическим прицелом и триста метров с ночным прицелом.

Глава третья

Ближний Восток. 2013 год

Наиболее нелепая и, как это часто бывает, наиболее приемлемая мысль пришла в голову самому молодому участнику группы. Как только бойцы группы вышли из столовой после завтрака, старший лейтенант Щетинкин вдруг вспомнил:

– Перед отъездом смотрел какой-то старый советский фильм. Там человек, чтобы позвонить в другой город, два часа просидел на переговорном пункте на почте. Сейчас, наверное, такие переговорные пункты и не существуют. А зря... Такие места подозрения, наверное, не вызывают. Там нас и контролировать бы не стали.

Майор Плешивый переглянулся с капитаном Никодимовым.

– А что, это мысль, – широко улыбнувшись, оценивая высказанное, сказал Никодимов. – Если нас кто-то контролирует, то наверняка контролируют сотовую и спутниковую связь, Интернет, ищут наши возможности пользоваться закрытыми каналами. И никто не додумается проверять простую открытую связь. Конечно, сейчас переговоры наверняка не заказывают, сейчас с автоматов звонят, но это дело того же порядка.

– Какой дурак будет по открытой связи вести секретные разговоры! – улыбнулся и майор Плешивый, которому мысль старшего лейтенанта тоже пришла по вкусу. – До этого ни одна спецслужба мира не додумается. Просто, как все гениальное! Можно даже не на почте, на улице с простого таксофона. Хотя на почте, наверное, лучше. Там должны быть какие-то кабинки, чтобы никто рядом не остановился и не стал слушать тебя. Нет, Николай Валерьевич, определенно, гений.

– Слышишь, Николай Валерьевич, тебя командир гением обозвал. Ты бы хоть покраснел для приличия, – улыбнулся капитан.

– У меня от смущения обычно спина краснеет, – отмахнулся Щетинкин. – Нарботанная привычка опытного разведчика. Это чтобы явно не показывать свое внутреннее состояние. Еще в детстве научился, когда решил стать военным разведчиком.

– Встреча с партнерами по бизнесу у нас через два часа. Успеем по городу прогуляться. Нужно только почту найти.

– Я вчера видел почту, когда назад ехали, – сказал старший лейтенант. – Визуально помню. Покажу. Нужно той же дорогой ехать, которой вчера возвращались.

– Я главную их почту видел, – сказал Никодимов. – Не знаю, почта у них называется или как. Большое здание. И все международные знаки почтовых услуг. Практически в центре города. Там все виды связи должны быть. Лучше через центр ехать, чтобы снова не засветиться. Нашу машину уже, наверное, знают.

– Да, – согласился Плешивый. – Мимо дома Писателя лучше не проезжать. Поедем в центр. В любом случае язык даже отсюда до Киева доведет. Спросить нетрудно.

Чтобы не связывать группу военной разведки напрямую с посольством, в гостевом доме которого они и без того поселились, впрочем, там не они одни устраиваются, там многие россияне, приехавшие ненадолго, находят приют за вполне умеренную, в сравнении с гостиницами, цену, машину разведчики взяли напрокат. С этим в арабских странах никогда проблем не возникает, как и с бензином, который стоит намного дешевле, чем в России. Старший лейтенант Щетинкин, возмущившись арабской расточительностью, пробовал перевести стоимость бензина на российские цены, и получилось, что литр обходится примерно в девяносто с небольшим копеек. И это не в отдельно взятой стране, а уровень цен по всему региону. Арабские страны, поставляя свою нефть практически по всему миру, в первую очередь заботятся о своих жителях и их обеспечивают качественным и дешевым топливом. На

то воля правителей. В России, которая тоже не последнее место в мире занимает по добыче и продаже нефти, правители заботятся не о своих жителях в массе, а о банковских счетах производителей. Наверное, это обеспечивает правительству большой авторитет. И средства для проведения предвыборных кампаний.

Машину спецназовцы, считающиеся представителями крупного российского бизнеса, держали на внутренней стоянке посольства, как и еще несколько представителей бизнес-класса, приехавшие в эту страну по своим меркантильным делам. Вполне приличная, хотя, конечно, не новая, «Тойота Кэмри» очень даже устраивала группу по всем параметрам. Машина не спортивного класса, умеренно скоростная, умеренно комфортабельная, а главное, не привлекающая к себе излишнего внимания даже среди множества заполняющих местные дороги дорогих суперкаров. Позволить себе иметь суперкары могут не все арабы, поскольку не все из них имеют право называть себя шейхами, и потому обычные автомобили на дорогах тоже встречаются часто. И затеряться в их потоке несложно, тем более что группе была предоставлена еще и вторая машина, микроавтобус «Фольксваген Транспортер». Но микроавтобус был выделен полковником Страгником и предназначался непосредственно для проведения акции. Зарегистрирован он был не на посольство, а на какое-то физическое лицо из местных. И подлежал после завершения работы поджогу. Значит, использовать его в предварительных мероприятиях не рекомендовалось. Майор Плешивый еще даже в глаза этот микроавтобус не видел, и только капитан Никодимов, в силу своего повышенного интереса к автотранспорту, не удержался и заглянул в посольский гаражный бокс. Но тщательного осмотра микроавтобуса и, тем более, испытания его на ходу не проводил и он. Пока еще группе даже ключи от «Транспортера» не дали. Только обещание.

Пропуск на территорию посольства был приклеен к стеклу, и потому охранник в форме десантника, козырнув для приличия, хотя не знал, что в «Кэмри» едут офицеры, чуть наклонился к стеклу, проверяя пропуск, и после этого нажал кнопку на брелке, который держал в руках. Ворота стали медленно и величественно распахиваться.

При общем большом количестве автомобилей в городе, здесь дороги были широкими, и московские, и вообще российские автомобильные пробки казались какими-то далекими и нереальными. По крайней мере, по дороге до центра города пробка разведчикам ни разу не встретилась. Дорожные знаки в этой стране отличались от привычных российских и даже международным стандартам не отвечали, но, в принципе, читались интуитивно легко. Капитан Никодимов, как всегда, сидел за рулем, и ему не нужно было указывать, куда ехать, поскольку сам капитан знал, где находится здание почты. И привез группу туда без всяких проблем. Они возникли только тогда, когда искали, где припарковаться. На официальной парковке места не было. Останавливаться под запрещающим знаком не хотелось. Местные законы одинаково строги и к местным жителям, и к иностранцам. И ни к чему было наживать себе неприятности с полицией, если хочешь оставаться незаметным и скромным. Потому остановиться пришлось за углом, где и машину поставить имелась возможность, и запрещающего знака не было.

Всю дорогу до почты майор Плешивый обдумывал свой звонок. Звонить решил не в оперативный отдел, который вместе с агентурным управлением готовил настоящую операцию, а напрямую командующему войсками спецназа ГРУ полковнику Мочилову, с которым Виктор Сергеевич был лично знаком. Принять решение о выходе резидента на Плешивого не мог даже полковник Мочиллов, поскольку резидентура в других странах руководится другим управлением, но командующий был в состоянии попросить агентурное управление о содействии в этом вопросе. Ведь эта операция проводится и под эгидой агентурного управления тоже, и они заинтересованы в достижении положительного результата.

На почту майор пошел один, оставив своих офицеров дожидаться его в машине. Работники почты привыкли, должно быть, общаться с иностранцами и владели английским язы-

ком. По крайней мере, мужчина в том окне, где Плешивый покупал карточку телефонной связи. Очевидно, в век сотовой связи здесь покупали их нечасто, потому что мужчина в окошке долго искал в своем столе нужную карточку. Но все же нашел и вежливо извинился. Виктор Сергеевич уже давно перестал удивляться тому, что в этой стране на должностях, в России считающихся женскими, трудятся мужчины. Женщину даже за прилавком или в окошке на почте встретить трудно. Но майору хватило половины дня, чтобы это уже казалось нормой. Привыкнуть, как известно, можно ко всему.

Коды России и Москвы Виктор Сергеевич помнил, как помнил и номер командующего. Вставив карточку в автомат, без труда набрал нужный номер. Соединение произошло быстро. Видимо, расстояние не влияло на качество связи, а качество связи местные дикие кочевники, не в пример европейскому или американскому, да и российскому тоже, обеспечивали высокое.

– Полковник Мочиллов. Слушаю вас.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Майор Плешивый беспокоит.

Командующий, видимо, слегка растерялся. Он, конечно же, знал, где находится Плешивый, и потому этого звонка из арабской пустыни не ждал. Но все же быстро сориентировался.

– Слушаю тебя, Виктор Сергеевич? Есть проблемы?

– Проблемы есть, но, кажется, преодолимые. Я вообще-то, товарищ полковник, с почты звоню. Обстоятельства заставляют прибегать к простейшему варианту. Это ничего?

– У меня номер на контроле прослушивания. Если будет подключение, разговор сразу прервется. Можешь говорить смело.

– Я понял. Короче говоря, товарищ полковник, тут нас наш местный шеф подставил. Они некачественно проработали обстановку. Меня на месте зарегистрировали.

– Плохо. Выход видишь?

– Есть выход. Со Страгником мы договорились, что он предоставляет мне карт-бланш. Но мне нужна ваша помощь. Причем такая, чтобы дело пошло в обход Страгника. Я ему не доверяю. Есть подозрения, что была умышленная «подстава». Действия против спецназа ГРУ. Персонально. Есть, мне кажется, основания так думать. Отвечать им смысла не вижу. Но работать лучше самостоятельно.

– Что нужно?

– Полное досье на Писателя.

– А как передать? Почтой переслать? – пошутил командующий.

– Здесь наверняка есть человек, представляющий нашу Службу.

– Наверняка есть. Только у меня выхода на этого человека нет. И быть не может. Это кадр с другого этажа.

– Я понимаю. Но, поскольку операция проводится совместно с тем самым этажом, они заинтересованы, чтобы я данные получил. Если вы, товарищ полковник, попросите, может получиться. Пока я вижу в таком варианте наш единственный шанс. Сам вариант я не буду раскрывать, он требует дополнительной проработки в мелочах, но мелочи должны браться из того самого досье, которое я хочу иметь...

– Ладно. Я попробую обратиться напрямую к начальнику управления. Он, как ты верно заметил, лицо заинтересованное. Где ты обосновался со своими людьми?

– На территории посольства. В гостевом домике.

– Сотовый телефон у тебя с собой?

– Так точно, товарищ полковник. Номер есть в оперативном отделе.

– Хорошо. Будет что сказать, я позвоню. Не будет результата, и звонить не стану. Главное, чтобы они не побоялись ввязать в дело своего человека. А ты, если все же ввяжут, поаккуратней с ним. Жди звонка. С мобильником не расставайся...

* * *

Время до встречи с арабскими бизнесменами, которым россияне собирались предложить создание совместной компании по реализации в странах Ближнего Востока российских вездеходов «Тигр» как военной, так и гражданской модификаций, еще оставалось. Главный в той компании, серьезный человек с трудным для запоминания русским человеком именем и фамилией Ахмед Фахд Ас-Абдельджаффар, причем не было ясно, где имя кончается и начинается фамилия, на сотрудничество был готов, но сдерживало его только опасение за реальный рынок сбыта. Кажется, Ахмед Фахд Ас-Абдельджаффар хотел бы провести маркетинговое исследование, прежде чем ввязываться в дело. Мысли разумные. Тем более, пока это исследование будет проводиться, трое российских бизнесменов могут и полностью отойти от бизнеса, и другим делом заняться, которое им окажется больше по душе. Подставлять добродушного и отзывчивого араба спецназовцы тоже не хотели, и потому мысль о проведении маркетингового исследования одобрили горячо. Это и им развязывало руки, и не отвлекало от основного дела.

– Надо бы на заправку заехать, – глянув на приборную панель, сообщил капитан Никодимов.

– Если надо, заезжай. Время в запасе есть, – согласился майор Плешивый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.